

А.К. Матвеев

**МЕРЯНСКИЕ ОЙКОНИМЫ
С ТОПОФОРМАНТОМ *-(V)дом*
И ПРОБЛЕМА КАРИТИВНЫХ ТОПОНИМОВ**

Названия этого типа встречаются очень редко. Почти все они прилагаются к населенным пунктам. А.И. Попов в статье о топонимии мерянских и муромских областей приводит только *Ка(р)чкодом*, *Тюхтедомово*, *Шелшедам (Шельшедом)*, *Шушкодом*¹.

Топоним *Ка(р)чкодом* локализовать не удалось. Точно установлено местонахождение ярославских населенных пунктов *Тюхтедомово* (на современной карте *Тюхтедамово*) и *Шельшедом*, а также костромского *Шушкодом*. Не без сомнения сюда можно отнести еще ойконим *Талдом* на севере Московской области. Кроме того, неоднократно зафиксированное в памятниках XIV–XVI вв. название Костромской волости *Иледам*² дошло до нас в виде ойконима *Ильдомское* на крайнем северо-востоке Ярославской области близ границы с Костромской. Фонетических препятствий для переработки *Иледам* > *Ильдом* нет, а в памятниках *Иледам* обычно упоминается рядом с гидронимом *Обнора*. Современный ойконим *Ильдомское* находится всего в десяти километрах от этой ярославской реки.

Есть предположение, что топоним *Ильдомское* надо связывать с мар. *илыдыме* ‘необитаемый’, ‘нежилой’ и соответственно с мерянским **il’Doma* ‘необитаемый (безжизненный)’, образованным с помощью каритивного суффикса, обозначающего отсутствие признака³. Возможно, что некоторые субстратные топонимы на *-дом(а)*, *-том(а)* в исторических мерянских землях (ИМЗ) и на Русском Севере (РС) действительно содержат суффикс отсутствия признака. Однако топоним *Ильдом(ское)* вряд ли относится к их числу, во-первых, из-за исторически засвидетельствованной исходной формы названия волости *Иледам*, а во-вторых, по причине вхождения этого топонима в “рифмованную” полосу названий на *-(V)дом* на севере Ярославской области, которую не могли образовать каритивы из-за своей редкости (см. об этом ниже).

Наконец, есть основания считать, что упоминаемое в памятниках наименование слободки *Шелшедам*⁴ следует отличать от современного ойконима *Шельшедом* близ Ярославля. Дело в том, что *Шелшедам* упоминается рядом со слободкой *Кештома* в Шохонском уезде, к которому не относились окрестности Ярославля. В то же время гидронимы *Кештома* и *Шельша* в бассейне Шексны находятся рядом. Таким образом, исторический *Шелшедам* и современный *Шельшедом* надо относить к разным объектам. Старожилы города Пошехо-

ные утверждают, что прежнее название местности по реке *Шельша* – *Шельшедомская волость* (картоoteca Топонимической экспедиции Уральского университета). Вместе с тем в памятниках указывается и село *Шелшодом* Ярославского уезда⁵. Здесь же на территории Заволжского стана Ярославского уезда неоднократно упоминается название урочища *Широдома* (*Ширдома*, *Широдьма*, *Жирдома*)⁶, которое также, по-видимому, следует относить к названиям на -(V)дом.

На территории Костромского края (КК) засвидетельствованы названия населенных пунктов *Лиходомово* (если не из рус. *Лихой Дом), *Лоходомово*, *Шильдома* (реки с таким названием нет), *Шушкodom* и урочища *Шишедом* (*Шишадом*). Кроме того, в самой вершине реки *Лежа* в Грязовецком районе Вологодской области находится куст деревень *Леждом*. Поскольку эта территория непосредственно примыкает к границе Ярославской области, а других названий такого типа на Вологодчине нет, наименование *Леждом* также следует включать в число ярославских и костромских названий на -(V)дом. Таким образом, из двенадцати закартографированных названий этого типа пять засвидетельствованы в КК, пять – на Ярославщине, одно на крайнем юге Вологодской области и одно близ Москвы. Однако принадлежность наименований *Талдом*, *Лиходомово* и *Шильдома* к названиям на -(V)дом небесспорна.

Этот топоформант относится к ярко дифференцирующим, так как не имеет надежных соответствий в других финских языках. А.И. Попов указывает, что названия такого рода, прилагаемые к волостям и населенным пунктам, означают какой-то вид уголья или поселения и, возможно, связаны с севернорусским географическим термином *едома*, выступающим в различных значениях⁷, но служащим, как правило, для обозначения урочищ (СРНГ 8, 323). Недостаток фактов препятствует раскрытию семантики топоформанта, тем более что в самостоятельном топонимическом употреблении на территории ИМЗ термин не засвидетельствован (есть река *Эдома* – приток Волги выше Ярославля, но трудно сказать, имеет ли этот гидроним отношение к обсуждаемым названиям). В то же время такие факты, как *Шельшедомская волость* и куст деревень *Леждом*, действительно как будто бы указывают на значение ‘волость’, ‘группа поселений’, особенно если учесть, что ‘селение’, ‘поселение’ обозначалось в мерянской топонимии другим детерминантом – *-*bol* < -*бол* или *-*bal* < -*бал*.

В этимологическом плане, на наш взгляд, наиболее перспективно сопоставление с названиями населенных пунктов и урочищ *Едьма* и *Идьма* на РС (бассейн Ваги). Вместе с тем, следует считаться и с предложениями А.И. Попова⁸.

Из возможных этимологий топооснов привлекательно сопоставление *Иледом* с мар. *ильме* ‘жилой’ и *Тюхтедамово* с мар. *тукто*

‘утка-нырок’, если этот топоним представляет собой отантропонимическое, а, может быть, даже тотемное название. То же относится и к ойкониму *Лоходомово* с учетом мар. *лого* ‘дрозд’, ‘свиригель’ и произношения марийского звука *г* между гласными как щелевого⁹. Возможно, названия с основой *шелли-* связаны с мар. *шелше* ‘расщелина’, ‘ущелье’. Наконец, нелокализованное *Ка(р)чкодом* сопоставляется с мар. *карчык* ‘старуха’; правда, это слово является тюркским по происхождению¹⁰, что снижает надежность мерянской этимологии.

Надо, однако, иметь в виду, что *Тюхтедамово* находится на р. *Тюхта*. Поэтому ойконим может быть образован от гидронима. Безусловно вторично название *Леждом* (<*Лежа*). Вполне вероятно, что к гидрониму восходят и наименования *Шелшедам*, *Шельшедомская волость* (<*Шельша*). Очевидно, что названия такого рода не могут быть каритивными. Ареальная смежность позволяет перенести этот вывод и на другие названия с формантом *-(V)дом*.

Зона распространения форманта специфична. Он не засвидетельствован во Владимирской, Ивановской, а также в южной половине Ярославской области и связан с северными окраинами мерянского ареала. Возможно, что это диалектная черта мерянской топонимии, обусловленная внешнелингвистическими моментами, отраженными в семантике соответствующего географического термина, который может означать какие-то региональные особенности местности или расположения селений. Во всяком случае большинство названий на *-(V)дом* (10 из 12) образуют на карте узкую полосу на левобережье Волги между нижним течением Шексны и нижним течением Унжи.

Данные памятников (*Иледам*, *Шелшедам*) указывают на исходную форму детерминанта *-едам*. Несмотря на ограниченность материала, связь названий на *-бол*, *-бал* и *-(V)дом* подтверждается такой параллелью, как *Шишебольцево – Шишедам*.

А. Альквист видит в названиях с окончаниями *-том(a)*, *дом(a)* каритивные образования с финно-угорским суффиксом отсутствия признака¹¹. К ним она относит ярославские топонимы *Исколдама*, *Шелашедом* (так!) и, может быть, *Тюхтеданово* (так!), которые сравниваются с *Талдом*, *Шушкодом* на смежных территориях. Уверенно рассматривается в качестве каритивного речное название *Колдома* ‘безрыбная’ (приток Волги), имеющее такие параллели в Вологодской области, как *Колдома* и *Кольдема* (при смежной реке *Рыбница*). Кроме того, по мнению Альквист, “на основе сравнительного материала” к каритивным, видимо, можно отнести гидронимы *Урдома*, *Кештома*, *Пертома* и *Шолтома*¹².

Возможность существования детерминанта *-(V)дом* Альквист не рассматривает. Между тем, хотя бытование каритивных форм в суб-

стратной топонимии ИМЗ и РС вполне вероятно, доказать факт каритивности той или иной формы в каждом конкретном случае крайне трудно, так как фиксации фонетического компонента *-том(a)*, *-дом(a)* в исходе слова для этого явно недостаточно. Дело в том, что в топонимии обычно констатируется наличие признака, а не его отсутствие. Поэтому названия каритивного характера встречаются нечасто и не образуют сколько-нибудь заметных сгущений. В. Ниссиля пишет, что каритивные прилагательные на *-ton*, *-tön* обильно представлены в финской диалектной топонимии, но приведенные им примеры, которые относятся в основном к озерам, содержат преимущественно два каритива: *kalaton* 'безрыбный' и *nimetön*¹³ 'безымянный'¹⁴. Русские аналоги с префиксом *без-*, по данным Топонимической экспедиции Уральского университета, также относятся прежде всего к водным объектам, особенно озерам, с абсолютным преобладанием каритивных топонимов, образованных от прилагательных *безрыбный* (*безрыбий*), *бездонный* и *безымянный*, ср. оз. *Безрыбное*, оз. *Безрыбье*, ур. *Бездонная Ляга*, оз. *Бездонное*, омут *Бездонный*, просека, р. *Безымянная*, бол., оз. *Безымянное*, о-в, руч. *Безымянный* и т.п. Кроме того, в русском языке по отношению к самым разным объектам широко используются топонимические образования от семантического каритива *пустой*, ср. грива, пожня, р. *Пустая*, оз., поле *Пустое*, луг, о-в, руч. *Пустой*, озера, пожни, ручьи *Пустые* и т.п. Прочие каритивы (пожня *Безберезье*, руч. *Безвершинный* и некоторые другие) – большая редкость.

В отличие от функционирующих языков словообразовательные каритивы в субстратной топонимии выявить трудно еще и потому, что финно-угорский по происхождению суффикс начинается с согласных *t* или *đ*, которые могут выпасть, если основа имеет исход на согласный. В то же время компонент *-ом(a)* совпадает с суффиксом прилагательных и причастий *-Vм(a)*, а также детерминантом *-ма* 'земля', что также создает трудности при выявлении каритивных форм.

А. Альквист справедливо утверждает, что "важнейшую роль в определении каритивного суффикса играет семантика топоосновы, а именно то, допустимо ли существование признака, выражаемого предполагаемой топоосновой, в связи с данным географическим объектом"¹⁵, но она не учитывает, что опора на этимологию субстратного топонима часто бывает шаткой.

Рассмотрим наиболее убедительный пример – *Колдома* 'безрыбная (река)' (фин.-угор. *kol рыба + каритивный суффикс)¹⁶. С формальной стороны, этимология кажется безупречной, но возможно иное членение топонима – *Колд-ома* или *Колдо-ма* с выделением формантов *-Vма* или *-ма*. Следовательно, нужны дополнительные аргументы. Альквист пытается их найти, приводя вологодский

ойконим *Колдома*, но название населенного пункта ‘безрыбный (-ая, -ое)’ только озадачивает. Больше способствует решению вопроса лимноним *Кольдема* по соседству с гидронимом *Рыбница*. Однако река *Рыбница* (значительный приток Лозско-Азатского озера) непосредственно не связана с небольшим озером *Кольдема*. Это лесное озерко находится в стороне от Рыбницы, причем между Рыбницей и Кольдемой есть другие озера – *Чертово* и *Потозеро*. Кроме того, надо иметь в виду, что по наличию ихтиологической фауны озера обычно сравниваются с озерами, а не с реками (среди озер в отличие от рек много безрыбных – “пустых” или однородных по ихтиофауне – “щучьих”, “окуневых” и т.п.). Речные же названия типа *Рыбная*, *Рыбница* и т.п. указывают на обилие рыбы по сравнению с другими реками.

Все это здесь говорится не для того, чтобы категорически отвергнуть предложенную этимологию волжского гидронима. Вполне может быть, что *Колдома* на самом деле каритив со значением ‘безрыбная (река)’ и что вологодский ойконим *Колдома* – какая-то метонимия с тем же значением, а лимноним *Кольдема* действительно ‘безрыбное (озеро)’. Наша цель – показать, что аргументировать каритивность очень сложно, если даже основываться на этимологии субстратных топонимов и физико-географических реалиях.

Однако основная трудность, как уже было сказано, связана все-таки с выделением форманта, а соответственно и основы. Топооснова *колд-* в топонимии широко распространена и сочетается с разными топоформантами, ср.: *Колда*, р. (Пин), *Колдай*, руч. (Бел), *Колдов*, пок. (Бел), *Колдозеро*, *Колдручей* (Плес), *Колдокурья*, ур. (Пин), *Колдом*, оз., *Колдомка*, р. (Бел), *Колдома*, д. (Кир), *Колдомский*, руч., *Колдомское*, бол. (Нянд), *Колдюга*, р. (Влгд). Эти факты свидетельствуют, что даже такой, казалось бы, убедительный пример, как *Колдома* ‘безрыбная’ может иметь другие этимологические решения. То же следует сказать и о названиях *Пертома* и *Урдома*, ср. соответственно топонимы *Перта*, *Пертема*, *Пертнаволо*, *Пертова*, *Пертозеро*, *Пертоя*, *Пертручей*, *Пертуга*, *Пертюж* и мн. др.; *Урдомка*, *Урдюга* (три названия!), *Урдюжское*, *Урдырьозеро* и др.

На территориях ИМЗ и РС множество топонимов с финалями *-том(а)*, *-дом(а)*, а некоторые из них зафиксированы по несколько раз (*Андома*, *Колдома*, *Охтома*, *Пертома* и др.). Наличие общей основы для ряда названий с разными формантами (см. выше о топонимах с основами *колд-*, *перт-*, *урд-*) или характерная фонетическая примета, например, специфическая группа согласных *хт* в корне (*Лохтома*, *Охтома*, *Рухтома*, *Ухтома* и т.п.) почти всегда позволяют не только взять под сомнение, а и вообще отвергнуть предположение, что эти финали являются каритивными суффиксами¹⁷.

Названия на -(V)дом, характерные для ИМЗ, при всей их малочисленности – не фантом, основанный на звуковом сходстве. Они обладают ареальной спецификой, связаны прежде всего с населенными пунктами, не имеют, что немаловажно, соответствия с глухим согласным (*-tom* > -том) и параллелей в других финских языках (кроме субстратной топонимии РС). Поскольку эти наименования являются субстратными и засвидетельствованы на территории ИМЗ, их можно предположительно идентифицировать как мерянские по происхождению ойконимы. Что касается каритивных географических названий, то они в топонимии редки, их трудно выявить и определить как каритивы. На территории ИМЗ и РС много гидронимов со звуковыми комплексами -том(а), -дом(а), ср. *Исколдом, Ирдом, Истомка, Колдома, Курдома, Урдома* и т.п. Можно, конечно, допустить, что среди них есть каритивные, но доказать это в каждом конкретном случае затруднительно. С другой стороны, и не все названия населенных пунктов на -дом(ово), -дам(ово) следует относить к ойконимам на -(V)дом как по ареальным показателям, так и по характеру внутренней формы, ср. наименования деревень в памятниках *Амстрадамово (Астрадамово)*¹⁸ на Тверской дороге и *Кошкодамово*¹⁹ в Карачевском уезде²⁰.

Примечания

- ¹ Попов А.И. Топонимия древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия (сборник статей). Л., 1974, 19.
- ² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л., 1950, 34, 56, 61, 195, 276.
- ³ Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985, 102.
- ⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв., 356.
- ⁵ Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Вотчинные земли. СПб., 1999, 25.
- ⁶ Там же, 198, 199, 200, 201, 202, 204.
- ⁷ Попов А.И. Топонимия древних мерянских и муромских областей, 19.
- ⁸ Подробности см.: Попов А.И. Топонимия древних мерянских и муромских областей, 19; Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ 1998, № 5, 98–99, 102–103; Он же. Субстратные топонимы с детерминантом -конда в Поволжье // Этимология 2000–2002. М., 2003, 130–133.
- ⁹ Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964, 193–196.
- ¹⁰ Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1994, 68.
- ¹¹ Альквист А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001, 441–442.
- ¹² Там же, 442.

- ¹³ Ничего похожего на эту форму в субстратной топонимии ИМЗ и РС пока не обнаружено. И это естественно: “безымянные” объекты обычно не появляются на картах.
- ¹⁴ *Nissila V. Suomalaista nimistöntutkimusta.* Helsinki, 1962, 69.
- ¹⁵ *Альквист А.* Субстратная топонимия Ярославского Поволжья, 442.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Как опасна “игра в суффиксы”, показывает чисто формальное вычленение компонента *-тома, -дома*, при котором остающиеся “основы” принимают вид *V-(У-дома), VC-(Ор-дома), CV-(Мя-дома), CVC-(Лохтома)*, хотя фактически имеют структуры *VC-, VCC-, CVC-, CVCC-*. И уже курьезен результат извлечения “аффикса” *-дом* из ойконима *Индом* (Кир), который является аббревиатурой русского словосочетания *Инвалидный дом*.
- ¹⁸ *Кусов В.С.* Чертежи земли Русской: Каталог-справочник. М., 1993, 261, 291.
- ¹⁹ Ср. антропонимы *Кошкодамов* (? < *Кошкодавов) и *Кошкодав* (*Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974, 162).
- ²⁰ В современной Брянской области.

Сокращения

РАЙОНЫ

Бел	– Белозерский район Вологодской области
Влгд	– Вологодский район Вологодской области
Кир	– Кирилловский район Вологодской области
Нянд	– Няндомский район Архангельской области
Пин	– Пинежский район Архангельской области
Плес	– Плесецкий район Архангельской области

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

бол.	– болото	р.	– река
о-в	– остров	руч.	– ручей
оз.	– озеро	ур.	– урочище
пок.	– покос		

О.В. Мищенко

К ЭТИМОЛОГИИ СЕВ.-РУС. ПИЛИК¹

Сев.-рус. *пили́к* и его варианты *пила́к, пили́тка, пили́ток, пили́туха, пилиту́ха, пилиту́шка, пили́тушка, пи́лица, пили́ца, пи́личек, пили́чка, пиличо́к, пи́лка, пилóвка, пилóтка, пилóчек, пи́лочка, пилу́тка, пилу́туха, пилу́тушка, пилу́ша, пи́лушка, пилу́шка, пильчо́к, пилючо́к, пиллячо́к, плечо́к* очень широко распространены на территории Архангельской и Вологодской областей, встречаются